

Марат Гельман: "Я продаю оружие"

Смена. - с. 95. - 1995. - 17 февр. с. 10.

МАРАТ ГЕЛЬМАН - весьма заметная фигура в художественной жизни Москвы. Сын известного драматурга, хозяин галереи, которой он дал собственное имя, один из основателей первой русской ярмарки искусства, неперенный участник всех важ-

ных культурных тусовок. Деятельность Gelman Gallery всегда окрашена неким общественным пафосом, настойчивым, хотя не очень понятным. В последнее время Марат, похоже, перешел к прямым социальным действиям.

- КАК ТЕБЕ пришло в голову стать галеристом? В России такой профессии не было, в институтах этому не учили.

- Это пришло в голову не мне, а Лене Бажанову (ныне начальник департамента изобразительного искусства Министерства культуры России. - М.К.). Он всегда был озабочен идеями культурного строительства, а я был тогда просто коллекционером и относился к искусству любительски. Хотя, конечно, любой удачливый коллекционер становится профессионалом. Потому что, если ошибешься и купишь плохое искусство - это очень больно. Это дорого, это бьет по амбициям.

Я сделал выставку своей коллекции "Вавилон", после чего Леня просто влил мне, что я должен открыть галерею. Сначала я отнесся к этому довольно осторожно - у меня был реальный бизнес, я занимался программированием. Мне всегда казалось, что художественная среда - она такая плотная, активная, туда так трудно пробраться, там свои системы запретов... И вдруг я понял, что это просто какое-то пустое место, которое ждет своего завоевателя. И я решил, что все получится, и все будет хорошо.

- Ты первый назвал галерею своим именем. На Западе это нормально, но у нас, в 90-м году...

- Да, многие тогда смотрели на это как на рискованный ход, тем более что это имя такое...

еврейское.

- Тебе это помогало или мешало?

- Об этом я как раз не думал. Я всегда чувствовал себя представителем русской культуры. А впервые задумался над этим, когда здесь, в Москве, мне сказали, что мне удалось то, чего не удалось другим - договориться с нью-йоркскими деятелями арт-бизнеса, потому что я - еврей, как и они. Ну, наверное, мне это не мешает.

- А называть галерею своим именем - это для меня было очевидно. Я знал, что моя карьера будет карьерой борьбы, а значит, имиджа. Я взял на себя личную ответственность, чтобы мне поверили как личности.

- Но ведь Гельман - это не только твоя фамилия. Как твой отец отнесся к твоей новой профессии?

- Известный драматург Александр Гельман не принимал никакого участия в становлении галериста Марата Гельмана. Кроме попыток отговорить, типа: "Зачем тебе это надо, если есть Союз художников для организации выставок." Но, может быть, известное имя мне все-таки как-то помогло.

- А вообще ты чувствовал в жизни влияние отца?

- Если у тебя известный отец, это сразу же мощные комплексы - ты должен быть не хуже. После института я долгое время был научным сотрудником, но это стыдно - иметь знаменитого отца и быть обыкновенным научным сотрудником. Значит, надо как-то продвигаться, что-

"Средний художник в десять раз умнее среднего политика... Располагая такими мощными интеллектуальными силами, скучно продавать картины для украшения офисов"

то сделать... Я пытался писать какую-то литературу, фантастические рассказы... Это были мучительные годы.

- Во время перестройки была такая мода - ругать шестидесятников. На самом деле это, наверное, был нормальный конфликт поколений.

- Шестидесятники вырастили читателей, которые стали умнее их. Мы считывали с их писаний гораздо больше, чем они в них вкладывали. Мы прочитывали между строчек там, где ничего не было. И когда мы выросли и встретились лицом к лицу с теми писателями, которые владели нашими умами, то увидели: "Боже мой, какие простые, примитивные люди..." Мы-то хотели поговорить с ними о том сложном, что мы там нашли, и вдруг выяснилось, что они-то просто не понимают этого языка... Но надо сказать, что отца это касается меньше дру-

гих. Он один из немногих, кто не разочаровал.

- Меня шестидесятники раздражали тем, что были элитой советского общества. Я вообще настроенно отношусь к людям элиты - и старой, и новой. На Руси принято считать, что высокое общественное положение связано с некоторой нравственной ущербностью. Новая элита тоже довольно противная. А как ты себя чувствуешь в этом кругу?

- Не надо считать элитой людей, которых показывают в светских новостях. Они танцуют, пьют шампанское в модных московских клубах вроде "Манхэттена"... Это пустые, бессодержательные люди.

- Галерея Гельмана тоже часто попадает в светские новости.

- Да, но здесь пьют чай и обсуждают войну в Чечне. Настоящая элита - это воины, это ядро, те, кто может дать жизнь целому обществу, все изменить. Это замкнутая группа, которая создает новые ценности, показывает пример, на нее все смотрят.

- Галерея Гельмана - сре-

- Мы проиграли холодную войну. Мы находимся в состоянии холодной оккупации. Наша военная промышленность неконкурентоспособна. Они стали жертвой этого поражения.

- И что ты им сказал - "давайте вместе спасать Россию"?

- Нет. Я сказал: "Быть русским - покупать русское". Я доказал, что искусство способно создать моду на их изделия и сделать их ценными, даже если они практически хуже. С Оборонпромом мы постоянно сотрудничаем. Они будут финансировать наши будущие проекты.

- Галерея Гельмана недавно проводила и широко рекламировала акцию Комара и Меламида "Выбор народа". (Комар и Мелаид - весьма преуспевающие художники, эмигрировавшие в свое время из СССР. Художники спросили у народа, про что он хочет картину, а потом нарисовали требуемое. Получилась симпатичная картинка размером с телевизор, прозванная шутниками "Явлением Христа медведем"). - М.К.) Вы устроили такой псевдосоциологический опрос...

- Ничего себе - "псевдо"! Мы заплатили социологам 7 тысяч долларов.

- А зачем? Ведь вряд ли ты собираешься торговать картинами на сюжеты, выявленные в результате опроса, - мишками, детишками, березками? Некоторые критики считали эту акцию демонстрацией крайнего конформизма, некоторые - глумлением над народным вкусом. А чем она была для тебя?

- Существует огромная проблема - искусство и народ. Существует громадная претензия к современному искусству - что оно непонятно народу. И что там ни говори - художники и галеристы всегда это слышат и чувствуют. Акция "Выбор..." как бы возвращает художнику свободу. Вы хотите, чтобы мы сделали то, что вам понятно, то, что вам нравится? Вот! Сделали! Не нравится? Тогда отстаньте и дайте нам заниматься своим делом.

- А что ты считаешь своим делом? Что ты продаешь?

- Оружие. Искусство - это инструментарий, это технология. Есть военные технологии, есть космические. Так вот, искусство - это гуманитарные технологии, они могут изменить жизнь.

- А ты уверен, что общество согласится с такими претензиями художников?

- Для этого надо убедить его, что - да, искусство может быть опасно. Что - да, обладая гуманитарными технологиями, можно привести зло к власти. Так же, как атомная бомба подняла статус физиков-ядерщиков. Сначала ими никто не интересовался. Они сидели в своих каморках без денег и делали что-то никому не понятное и не нужное. А вот когда они сделали бомбу - это сразу всех коснулось, потому что любого могли уничтожить.

- А как на практике может выглядеть такая "бомба от искусства"?

- А она уже есть. Например, рекламная кампания АО "MMM". Это своего рода нейтронная бомба наоборота. Люди живы-здоровы, а их деньги вымываются. И это благодаря клипам, которые сделал художник Бахыт Килибаев. Кстати, руководил предвыборной кампанией Сергея Мавроди художник нашей галереи Ефим Островский. Перед выборами Мавроди у нас в галерее по два раза в день шли консультации. Мы получили за эту работу очень крупный гонорар.

- Поздравляю. Но допустим, общество поверило в жизнеустойчивую силу искусства. Что потом?

- Мы не хотим больше иметь дела с нынешней властью. Поэтому есть единственный способ - взять власть. Сегодня существует такое общественное движение - "Поколение рубежа". Рубежом стала Чечня. Там умирали молодые ребята - совсем молодые. А принимали решения люди немолодые. И молодых это очень... задело. Я сам был свидетелем этой боли.

Все равно молодое поколение придет на смену старому, а не наоборота. Я хочу сменить поколение. Сегодня интересы будущей России может представлять только студенчество. Молодые интеллектуалы пока не опутаны мафиозными, клановыми, профессиональными связями. "Студенческое сопротивление" имеет прямые связи с 13 городами России, в том числе, конечно, с Питером.

- Ты все время привозишь в Москву новых людей. Из за рубежа, из провинции. А вот Питер, кажется, не балуешь своей любовью.

- Питер, конечно, провинция. Хотя, надо сказать, ваш Русский музей отнюдь не провинциален. Отдел современного искусства в Русском - это очень хороший европейский уровень. Но один музей, конечно, погоды не делает. Питер мне кажется мертвым городом. Город-музей, наполненный таким застывшим псевдоискусством, - это очень агрессивная среда. Этот город превратился в склеп и гордится этим. Сюда надо приходиться, смотреть и уходить. Я не жду отсюда притока новых сил.

- Ты имеешь в виду новых художников или новых политиков?

- Я пока остаюсь в сфере духовной, в сфере искусства. Я два года рвался к властным структурам, а когда они предстали передо мной.. это такое... не дай Бог!

- Чего же ты хочешь на самом деле?

- Понимаешь, быть ведущим галеристом, если само искусство ничего не значит, - ерунда. Я хочу создать общество, где художники, интеллектуалы играют важную роль. И я буду помогать тем, кто хочет построить новую Россию с искусством, а не без него.

Беседу вел Марина КОЛДОБСКАЯ

На фото: Марат Гельман (в центре) в обществе художников Комара и Меламида.